

В главе XI «Мраморы лорда Элгина. I. На Востоке» авторы описывают одно из самых драматических событий в многовековой истории знаменитого храма: изъятие из храма 12 скульптур с фронтонов, 15 метоп, 56 плит фриза Парфенона, других архитектурных деталей, а также фигуры одной из кариатид Эрехтейона. Все это стало собственностью британского посла в Турции лорда Элгина, который, заручившись фирманом султана, на собственные средства подготовил и осуществил вывоз в Англию всей этой коллекции. Глава XII «Мраморы лорда Элгина. II. В Англии» посвящена истории коллекции лорда Элгина в Англии и полемике, которая развернулась вокруг приобретения ее английским правительством для Британского музея. Врагами лорда Элгина, в числе которых был и знаменитый поэт Байрон, и такие видные члены «Общества дилетантов», как Р.П. Найт и лорд Эбердин, была устроена настоящая кампания, направленная на дискредитацию коллекционера и занижение стоимости его коллекции. Все это привело к тому, что коллекция была куплена у владельца по явно заниженной цене, что привело к разорению лорда Элгина. В главе XIII «Федор Калмык» рассказывается о русском участнике экспедиции лорда Элгина – российском художнике Федоре Ивановиче Калмыке, который делал зарисовки скульптур Парфенона. В начале XIX в. другой россиянин – архитектор Николай Федорович Алферов описывал и пытался сделать детальные обмеры Акрополя, но этому помешала начавшаяся русско-турецкая война. Его деятельности посвящена глава XIV «Россиянин на Акрополе». В главе XV «Последние испытания?» рассматривается история Парфенона в период войны за независимость, а также в независимой Греции. Авторы специально останавливаются на попытках реставрации Парфенона, которые продолжаются до настоящего времени. Рассказывается и о судьбе «мраморов Элгина»: споры о том, следует ли оставить их в Англии или вернуть Греции, продолжают и по сей день.

Книга Л.П. Маринович и Г.А. Кошеленко имеет много достоинств. Прежде всего следует упомянуть, что это – первое отечественное исследование о Парфеноне, которое охватывает всю его историю. Подчеркну: именно *исследование*, а не архитектурный очерк, обзор и т.п. Авторам удалось донести до читателя свой оригинальный взгляд на исторические события. Несомненный интерес представляет анализ Панафинейских торжеств и их роли в жизни полиса (с. 52 слл.). Безусловной удачей можно считать «реабилитацию» лорда Элгина; обычно его считают варваром и корыстолюбцем; но в действительности этот человек много сделал для популяризации и сохранения искусства древней Греции.

Есть в книге и недостатки, но, впрочем, большинство из них носит скорее технический характер. Так, точная дата (449 г.) предложения Перикла об общеэллинском съезде (с. 38) сомнительна, лучше говорить о середине V в. до н.э. Патрас на с. 226 – это, очевидно, Патры, а на с. 27 авторы рядом используют два варианта одного и того же имени – Тесей и Фесей. Чтобы не вводить в заблуждение читателя-неспециалиста, следовало бы сохранить единообразие. Но эти недостатки никак не могут повлиять на общий (и очень высокий) уровень книги. Следует также отметить высокое качество книгоиздания и осуществленный авторами удачный подбор иллюстраций, добавляющих повествованию наглядности. Книга будет полезна не только специалистам-античникам, но и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами искусства, культуры и проблемами сохранения и восстановления исторических памятников.

С.Г. Карпюк

© 2001 г.

А.В. КОЛОБОВ. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха Ранней империи). Учебное пособие по спецкурсу. Пермский ун-т. Пермь, 1999. 128 с.

Внимание, уделявшееся в отечественной науке армии императорского Рима, ни в коей мере не соответствует той исключительно важной, многообразной роли, какую этот институт играл в социально-политических структурах и исторических судьбах империи. Несколько десятков статей и диссертаций, посвященных довольно частным сюжетам, небольшие разделы или попутные характеристики в общих работах по истории Рима и его провинций, главы в обобщающих трудах по истории военного искусства – вот, пожалуй, и все, чем

располагали до настоящего времени специалисты и читатели на русском языке. Независимо от качества всех этих работ такая ситуация выглядит довольно удручающей, особенно в сравнении с уровнем, достигнутым мировой наукой, в которой интенсивное изучение военной системы Римской империи характеризуется в последние десятилетия все большей диверсификацией проблематики, обновлением исследовательских подходов, обогащением источниковой базы, созданием высококачественных монографических работ.

В данном историографическом контексте обнадеживает уже сам факт появления работы А.В. Колобова – по существу первой в отечественной литературе книги, специально посвященной армии эпохи принципата. Ее широко заявленная тема – «Легионы вне полей сражений» – находится в русле современных исследовательских интересов и предполагает обращение к таким ключевым вопросам, как система комплектования легионов, социальный состав и общественный статус командных кадров, рядовых воинов и ветеранов, их экономическое положение, повседневный быт и духовная жизнь. Каждый из названных вопросов имеет богатую историографию, и автор стремится как можно полнее учесть все, что в ней наработано, чтобы показать читателю современное состояние освещаемых проблем. Такая цель закономерна и приоритетна для книги, написанной в жанре учебного пособия по университетскому спецкурсу. Жанр этот, естественно, диктует свои параметры, прежде всего определенное соотношение популяризаторского и исследовательского начал. Отдавая явное предпочтение первому, автор основывается не столько на непосредственном обращении к источникам, сколько на использовании уже сделанных в научной литературе обобщений, изложение которых дополняется отдельными самостоятельными выводами и обсуждением некоторых дискуссионных вопросов. Такой подход в сочетании со стремлением охватить широкий круг сюжетов придает книге характер эпитомы и требует от автора немалого искусства, чтобы сбалансировать все названные компоненты и действительно сказать *multum in parvo*. Первым шагом в этом направлении должно было бы быть четкое определение объекта изучения, подходов и конкретных задач работы. К сожалению, автор практически ничего не говорит по этому поводу, что делает книгу довольно уязвимой для критики, особенно с точки зрения структуры изложения.

Первая из семи глав книги посвящена обзору основных источников и историографии. Стесненный рамками жанра, автор ограничивается лишь минимумом вводной информации, не давая развернутого критического анализа. Беглость обзора, однако, влечет ряд существенных пропусков. В источниковедческой части, к примеру, не упомянуты некоторые важные издания острака и папирусных документов¹. В числе литературных источников стоило бы, наверное, назвать и полнее использовать в основной части свидетельства Ювенала, Светония, Апулея, Сенеки и Плиния Младшего, Элия Аристида («Панегирик Риму»), Псевдо-Гигина (*De mutatione castrorum*), Аппиана и Геродиана. Заметим также, что лишь с очень большой натяжкой Иосифа Флавия, Фронтин, Витрувия и даже Юлия Цезаря можно назвать «профессионалами-военными».

Что касается историографической части, а также ссылок на литературу в примечаниях и библиографического списка в конце книги², то здесь упущений тоже немало, даже если принять в расчет только труды крупнейших специалистов и работы, относящиеся к числу *standard books* или же подробно трактующие проблемы, центральные для книги А.В. Колобова. Игнорирование некоторых работ тем более удивительно, что они вполне доступны и, без сомнения, хорошо известны автору. Полный перечень библиографических пробелов был бы проявлением чрезмерного педантизма. Укажем только на те лакуны, наличие которых заметно искажает реальную историографическую ситуацию. В числе важнейших обобщающих работ по императорской армии нельзя не назвать книгу Г. Уотсона «Римский солдат», выдержавшую несколько изданий, работы М. Гранта и Л. Кеппи, а также содержательную монографию Я. Ле Боека и богатый оригинальными наблюдениями очерк

¹ См., в частности: *Bagnall R.S.* The Florida Ostraca. Documents from the Roman Army in Upper Egypt. Durham, 1974; *Daris S.* Documenti per la storia dell'esercito romano in Egitto. Milano, 1964; *Pighi G.B.* Lettere latine di un soldato di Traiano (P. Mich. 467–472). Bologna, 1964; *Marichal R.* Les ostraca de Bu Njem. Tripoli, 1992. В последние годы появились также новые публикации и исследования документов на деревянных дощечках: *Bowman A.K.* Life and Letters on the Roman Frontier. Vindolanda and its People. L., 1994; *Bowman A.K., Thomas J.D.* The Vindolanda Writing Tablets (Tabulae Vindolandenses II). L., 1994; *Speidel M.A.* Die römische Schreibräfel von Vindonissa: lateinische Texte des militärischen Alltags und ihre geschichtliche Bedeutung. Brugg, 1996; *Adams J.N.* Language of the Vindolanda Writing Tablets: An interim Report // *JRS.* 1995. 85. P. 86–134.

² В этом списке почему-то указано в несколько раз меньше работ, чем в примечаниях, причем отсутствует и целый ряд важных работ, отмеченных самим автором в историографическом обзоре.

Ж.-М. Каррье³. При изучении правового статуса солдат невозможно обойтись без ряда относительно новых исследований⁴. Большой вклад в изучение реалий повседневной жизни и организации императорской армии внесли работы таких видных специалистов, как Р. Дейвиз и М. Спейдель⁵. Среди исследований по римской военной архитектуре можно упомянуть книгу Г. фон Петриковица⁶.

Гораздо шире, чем следует из ссылок А.В. Колобова, и круг работ, посвященных религии и праздникам римских войск, в том числе и в отечественной литературе⁷, в которой, кстати сказать, имеются публикации, прямо относящиеся к теме рецензируемой книги, но никак автором не упомянуты⁸. К положительным моментам библиографического «обеспечения»

³ *Watson G.R.* The Roman Soldier. New York – Ithaca, 1969 (последнее издание вышло в 1993 г.); *Grant M.* The Army of Caesars. L., 1974; *Keppie L.* The Making of the Roman Army. From Republic to Empire. L., 1984; *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989 (есть также ее немецкий перевод: *Die römische Armee. Von Augustus zu Konstantin der Grosse.* Stuttgart, 1993; А.В. Колобов упоминает только книгу Я.Ле Боека о III Августовом легионе); *Carrié J.-M.* Il soldato // *L'uomo romano / A cura di A. Giardina.* Bari, 1989. P. 99–142. Последнее издание переведено на немецкий и английский языки.

⁴ Например: *Sander E.* Das Recht des römischen Soldaten // *RhM.* 1958. 101. S. 152–191; *idem.* Das römische Militärstrafrecht // *RhM.* 1960. 103. S. 289–319; *Jung J.H.* Die Rechtsstellungen der römischen Soldaten. Ihre Entwicklung von den Anfängen Roms bis auf Diokletian // *ANRW.* II. 14. B. – N.Y., 1982. S. 882–1013; *idem.* Das Eherecht des römischen Soldaten // *Ibid.* S. 302–346; *Lehmann B.* Das Eigenvermögen der römischen Soldaten unter väterlicher Gewalt // *Ibid.* S. 183–284; *Vendrand-Voyer J.* Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983.

⁵ *Davies R.W.* The Daily Life of the Roman Soldier under the Principate // *ANRW.* II. 1. B. – N.Y., 1974. P. 299–339 (А.В. Колобов ссылается только на работу этого автора, посвященную солдатскому рациону). Наиболее важные работы М. Спейделя вошли в двухтомник, опубликованный в основанной им серии «*Mavors. Roman Army Researches*»: *Speidel M.P.* Roman Army Studies. Amsterdam, 1984; *idem.* Roman Army Studies. V. 2. Stuttgart, 1992.

⁶ *Petrikovitz H.von.* Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipatszeit. Opladen, 1975.

⁷ Например: *Renel Ch.* Cultes militaires de Rome. Les enseigns. Lyon – Paris, 1903; *Ankersdorfer H.* Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian. Diss. Konstanz, 1973; *Gilliam J.F.* The Roman military Feriale // *HTHR.* 1954. 47. P. 183–196; *Rüpke J.* Domi militiaeque: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart, 1990; *Соловьянов Н.И.* Культы римской армии в Нижней Мезии и Фракии: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1986; *он же.* О культах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в I–III вв. н.э. / Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986. С. 45–62; *Рубцов С.М.* О культах римской армии в Верхней Мезии во II–III вв. // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул, 1989. С. 84–95. Едва ли правомерно называть интересной публикацией по вопросу о религии римской армии очень краткую рецензию Г.А. Кошеленко (ВИ. 1963. № 4. С. 186–187) на небольшую статью: *Richmond I.* The Roman Army and Roman Religion // *Bulletin of the John Rylands Library.* 1963. 45. P. 185–197.

⁸ См., в частности: *Болтинская Л.В.* К вопросу о путях укрепления римской армии при Юлиях-Клавдиях // Вопросы всеобщей истории. Вып. 3. Красноярск, 1973. С. 3–17; *она же.* К вопросу о принципах комплектования римской армии при Юлиях-Клавдиях (по военным дипломам) // Там же. С. 18–23; *она же.* Положение солдат римских легионов в период правления династии Юлиев-Клавдиев // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. Красноярск, 1977. С. 3–17; *Смышляев А.Л.* Септимий Север и principes // *Вестник МГУ.* Сер. 9. 1976. № 6. С. 80–91; *он же.* Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н.э. // *ВДИ.* 1979. № 3. С. 60–81; *Садовская М.С.* Римский форт Виндоланда. К вопросу о романизации Британии в I в. н.э. // Из истории античного общества. Горький, 1988; *Парфенов В.Н.* К оценке военных реформ Августа // *АМА.* 1990. Вып. 7. С. 65–76; *он же.* Ранний принципат: военно-политический аспект. Автореф. дис... докт. ист. наук. Саратов, 1995; *Евсеев Т.П.* Военная реформа Октавиана Августа (социально-политический аспект). Свердловск, 1986 (деп. в ИНИОН, № 25705); *он же.* Об эффективности военной реформы Октавиана Августа // Политическая организация и правовые системы за рубежом: история и современность. Свердловск, 1987. С. 48–54; *он же.* Армия и общество в Римской империи эпохи раннего принципата // *Вест. Удмуртского ун-та.* 1995. № 5. С. 17–26; *Кадеев В.И., Мартымянов В.П.* О ветеранах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первые века н.э. // *АМА.* 1990. Вып. 7. С. 77–86; *Емутиченко А.А.* Роль ветеранов в романизации Дакии // Политика и идеология в древнем мире. М., 1993. С. 95–103. Кроме того, совсем недавно в русском переводе вышло энциклопедическое издание: *Дююи Р.Э., Дююи Т.Н.* Всемирная история войн. СПб. – М., 1997. В первом томе этого труда имеются очерки о развитии римской военной организации и богатый иллюстративный материал. Из работ, появившихся после выхода рецензируемой книги, полезные иллюстрации и сжатую популярную характеристику римской императорской армии содержит небольшая книжка И.А. Голыженкова

книги А.В. Колобова следует отнести привлечение большого числа исследований польских, словенских и хорватских авторов, чьи работы на славянских языках обычно игнорируются в западной историографии. Конечно, исчерпывающая полнота историографической картины не является для учебного пособия столь же обязательным требованием, как для научной монографии. Но без тщательного учета и отбора литературы, в первую очередь отечественной, едва ли достижима и собственно дидактическая цель – четко и разносторонне ориентировать студентов и начинающих исследователей в изучаемой области.

Во II главе главный предмет рассмотрения – социальный состав солдатского контингента и офицерских кадров. Говоря об особенностях и тенденциях развития системы комплектования, автор отмечает, что ориентация государства при наборе легионеров на «средние слои» обуславливалась как политическими причинами (благонадежностью по отношению к императорской власти зажиточных муниципалов Италии и романизованных провинций), так и стремлением обеспечить должную боеспособность войск за счет достаточного уровня образования и воспитания новобранцев. Подчеркивается и региональная специфика источников пополнения легионов на западе и востоке империи. По мнению А.В. Колобова, в комплектовании расположенных в восточных провинциях частей проявились черты, характерные для эпохи эллинизма. В частности, здесь военная служба рано обрела черты наследственного занятия, и легионы пополнялись в значительной степени из представителей авторитетных семейств или даже аристократических родов небольших городских общин. Преобладание же, которое в составе западных легионов в последней трети I в. над жителями Италии получили романизованные кельты и иберы, объясняется переориентацией клиентских связей династии Флавиев с общин Италии на города римского права в Испании и Галлии. Нельзя сбрасывать со счетов и желание местной верхушки стать «настоящими римлянами» посредством службы в легионах. По утверждению автора, для младших сыновей в больших патриархальных семьях, с учетом принципа майората при наследовании отцовского имущества, имела значение и материальная заинтересованность (с. 15). Здесь содержится явная ошибка: в римском праве майората никогда не существовало. Кроме того, словосочетание «большая патриархальная семья» следует употреблять осторожно, так как оно является термином для обозначения семейной домоводной общины (на с. 23 «большая патриархальная семья» даже названа одним из основных институтов античного общества). В Риме же еще до установления империи утвердилась нуклеарная семья, в которой взрослые дети, как правило, жили отдельно от родителей.

Изменения в комплектовании при Антонинах и Северах затрагиваются довольно бегло. Отмечается только, что во II в. происходит переход к местному набору и складывается несколько региональных вариантов пополнения легионов, а к концу этого столетия под воздействием внешнеполитических и социально-экономических факторов качество новобранцев падает, что негативно сказывается на боеспособности армии. По мнению автора, на ухудшение социальных источников комплектования указывают деградация воинских эпитафий и уменьшение общего количества солдатских надписей. Реформы Септимия Севера на время решили проблему качества легионных контингентов, но способствовали срастанию армии с населением приграничных зон и ее отрыву от жителей остальной империи. Все эти положения верны и давно приняты в научной литературе. Ошибочно, однако, утверждение на с. 16 о том, что Севером была установлена обязательная военная служба для детей ветеранов в пограничных провинциях. Некоторые моменты рассматриваемой темы заслуживают, на наш взгляд, более подробного рассмотрения или по меньшей мере упоминания. Среди них: вопрос о степени романизованности тех новых граждан из числа провинциалов, которые поступали в легионы⁹; проблема так называемых «лагерных детей» – солдатских сыновей, родившихся в канабах и указывавших в качестве места рождения лагерь; наконец, морально-идеологические аспекты политики качественного рекрутирования. Что касается последних, то надо иметь в виду, что в античности социальные критерии никогда не мыслились в отрыве от моральных. Показательно, что Август, действуя в консервативно-реставраторском духе, стремился утвердить традиционные представления о

«Армия императорского Рима. I–II вв. н.э.» (М., 2000), не лишняя, впрочем, некоторых огрехов. Гораздо более ценно издание русского перевода известной работы: *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. М., 2000. (В этом списке нельзя не упомянуть и монографию А.В. Махлаюка «Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности» (Нижний Новгород, 2000), опубликованную уже после появления книги А.В. Колобова. – *Прим. ред.*)

⁹ Детальное обсуждение этой проблемы см. *Le Bohec.* L'armée romaine... P. 96 suiv.; *idem.* La III-e légion Auguste. P., 1989. P. 522 suiv.

службе в легионах как о почетной миссии, которую не могли выполнять лица, запятнанные низким происхождением или бесчестьем. Без учета этой интенции трудно дать объяснение некоторым фактам, например, тому, что при поступлении на службу в легион нужно было предоставлять рекомендательные письма, или тому, что некоторые правонарушения со стороны воинов (воровство в бане или прелюбодеяние) наказывались при определенных обстоятельствах строже, чем похищение чужого оружия или дезертирство¹⁰.

Соответствующие консервативные нормы действовали и при назначении командных кадров. Одним из парадоксов римской военной системы было, как известно, отсутствие профессиональных «генералов», особой касты высших офицеров. Наряду с сохранением принципа «гражданин-солдат» в легионах, в императорский период государственная карьера строилась на сочетании военных и гражданских постов. В армии существовал и такой пережиток тимократической системы, как монополия высших сословий на военное командование¹¹. На практике, как указывает автор, было две группы высших военачальников сенаторского ранга: «полководцы-любители», малокомпетентные в военном деле, которые обычно назначались в спокойные провинции, и так называемые *viri militares*, преимущественно выходцы из «новых сенаторов», а то и из всадников, которые в ускоренном порядке проходили гражданские должности, но командные посты в армии занимали неоднократно, чаще всего в провинциях со сложной военной обстановкой. Годичная должность *tribunus laticlavus*, с которой начиналась сенаторская карьера, являлась для большинства юных членов высшего сословия чисто формальной ступенькой на пути к квестуре и была связана главным образом с штабной, «бумажной» работой. Более важное значение имели офицеры всаднического ранга, *tribuni angusticlavii* и префекты разных рангов, которые в I–II вв. были, как правило, представителями муниципальной аристократии средней Италии и наиболее романизованных провинций. Автор отмечает, что просографические исследования ставят под сомнение существующее представление о всаднических трибунах как чисто штабных офицерах. Многие из них обладали необходимой компетенцией и опытом для выполнения ответственных заданий, нередко занимали армейские посты в одном и том же регионе, что позволяет предположить их профессиональную специализацию. Впрочем, при поступлении на военную службу немалое значение имели земляческие связи и патронат высших должностных лиц или самого императора.

Социальное происхождение и протекция влияли и на карьеру центурионов, хотя большинство из них все же добивались чинов собственными заслугами. Существовала особая группа центурионов, состоявшая из представителей муниципальной аристократии, получавших центурионат после выполнения городских магистратур, без предварительной военной службы, а также из отдельных всадников, неспособных по каким-то причинам пройти обычные ступени всаднической карьеры. Именно такие центурионы чаще – по сравнению с теми, кто достигал этого звания из рядовых, – получали посты примипила и префекта лагеря. Современные историки обоснованно усматривают в таком обычае и в «непрофессионализме» высших командиров одну из слабостей римской армии¹². Следует, однако, учитывать, что, судя по некоторым указаниям источников, знатность военачальников имела немаловажное значение для самих легионеров, желавших видеть над собой людей благородного происхождения¹³. Отметим также, что говорить о соответствии ранга центуриона званию старшины или фельдфебеля в современных армиях (с. 17) можно только применительно к периоду Республики. В эпоху принципата их статус с точки зрения полномочий, размера жалованья и перспектив карьеры значительно возвышался над положением простых солдат.

Содержание III главы нельзя признать в полной мере адекватным ее названию – «Место легионеров в обществе Римской империи». По сути дела, эта обширная тема сводится к вопросу об имущественном положении солдат, в рассмотрении которого главное место уделено лагерному пекулию. Но происхождение и юридическая сущность последнего характеризуются очень поверхностно и неточно. Так, в пользу мнения о том, что *rescilium castrense* возник в самом начале Империи, а то и при Цезаре, автор ссылается на сообщение

¹⁰ Подробнее см. *Vendrand-Voyer*. Op. cit. P. 82–86; *Махлаюк А.В.* Полисная идеология и система комплектования римской императорской армии // *Античный мир. Материалы научной конф.* Белгород, 1999. С. 45–54.

¹¹ *Alföldy G.* Die Generalität des römischen Heeres // *BJ.* 1969. 169. S. 241; *Carrié*. Op. cit. P. 104.

¹² *Le Bohec.* L'armée romaine... P. 78.

¹³ *Lendon J.* Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World. Oxf., 1997. P. 242–243 с указанием источников.

Диона Кассия (60. 24.3), согласно которому в период правления Клавдия солдаты «имели права женатых людей»¹⁴. Но, как известно, права женатых людей, согласно законам Юлия и Папия, касались не распоряжения имуществом, а возможности принимать наследство. На с. 24 ошибочно говорится, что *pater familias* обладал властью над своими сыновьями до тех пор, пока они не женятся, и поэтому солдаты после официального запрета вступать в брак оказывались в зависимости от отцовской власти вплоть до выхода в отставку. Но *patris potestas* никогда не прекращалась в результате женитьбы подвластного сына. Следовало бы уточнить, что при Августе сын-воин мог свободно распоряжаться своим лагерным имуществом (*bona castrensia*) лишь на случай смерти (*mortis causa*). Только позднее это имущество было признано полной собственностью подвластного *filius familias*, а при Адриане это положение было распространено и на имущество ветеранов (*Inst.* 2.12 pr.). В самой тесной связи с феноменом лагерного пекулия находится и такая существенная привилегия, как право составлять завещание без соблюдения положенных формальностей и без ограничения круга наследников. Это право «свободного» завещания впервые было предоставлено солдатам еще Цезарем, а затем подтверждалось другими правителями¹⁵. Наследственное право военных получило дальнейшее развитие при Антонинах и Северах¹⁶. В литературе высказывалась мысль, что по своему происхождению лагерный пекулий и *testamentum militis* связаны с донативами, половина которых сохранялась в кассе воинской части до отставки легионера, и причины их появления не только политические – «сделать военную службу более привлекательной для добровольцев и укрепить отношения патроната-клиентелы императора и солдат», как указывает А.В. Колобов (с. 24), – но и собственно военные: необходимость упрочить внутреннюю сплоченность подразделений, корпоративный дух военных¹⁷.

Трудно, далее, согласиться с мнением автора, что до правления Северов наиболее существенным источником материального обеспечения солдат была военная добыча. Все же в первые века Империи крупные завоевания были сравнительно редки, и многие легионы на протяжении десятилетий не участвовали в серьезных боевых действиях. Разумеется, солдатский *stipendium*, из которого производились отчисления на питание, одежду, снаряжение и т.д., не мог быть источником значительных сбережений, по крайней мере до Септимия Севера, существенно увеличившего жалование воинам. Правильно отмечено, что *stipendium* и донативы вполне вписывались в полисные традиции и даже подчеркивали римско-гражданский статус легионов (с. 24). Нужно только более определенно подчеркнуть, что уровень материального благосостояния солдат определялся всей совокупностью выплат, получаемых на службе и по выходе в отставку, а также налоговыми и прочими льготами. Без учета всех этих доходов и преимуществ трудно объяснить, чем армия привлекала выходцев из средних слоев и почему легионеры мирились с неизменным размером жалования на протяжении столь долгих периодов времени. Общий вывод о том, что с I по III в. материальное положение легионеров улучшалось, а их правоспособность¹⁸ расширялась, безусловно верен. Не следует только забывать, что в интересах военной дисциплины солдаты были лишены некоторых прав римского гражданина, например, права апелляции в случае вынесения военачальником смертного приговора. К сожалению, за рамками книги остались многие интересные аспекты темы (восприятие солдат в общественном мнении, взаимоотношения военных и «штатских», влияние военного присутствия на экономическую и демографическую ситуацию в зонах дислокации и т.д.).

Глава IV – «Легионные ветераны в имперском обществе, экономике и системе управления» – по сравнению с предыдущей оставляет гораздо более целостное впечатление. В ней сбалансированно освещены основные этапы развития ветеранского обеспечения, характер колонизации, юридические привилегии, получаемые легионными ветеранами и членами их семей. Затронуты и некоторые дискуссионные вопросы, касающиеся ветеранского землевладения и статуса легионных канаб. Правда, вопрос о роли ветеранов в системе управления остался по сути дела нераскрытым. Автор справедливо отмечает, что, наделяя

¹⁴ Дословно этот пассаж звучит так: «... воинам, поскольку они не могли по закону иметь жен, (Клавдий) предоставил привилегии женатых людей» (*τὰ τῶν γεγαυμένων δικαίωματα ἔδωκε*).

¹⁵ *Gai.* II. 109–111; *Ulp. Reg.* 20. 10; D. 29.1. 1 pr. (*Ulp.* 45 ad ed.). В последнем фрагменте Ульпиан называет пожалование этого права «величайшей милостью в отношении воинов» – *plenissima indulgentia in milites*.

¹⁶ Подробно см. *Vendrand-Voyer.* Op. cit. P. 179 suiv., 214 suiv.

¹⁷ *Ibid.* P. 184–187.

¹⁸ А.В. Колобов по ошибке употребляет слово «дееспособность» (с. 27).

ветеранов земельными участками в Италии, императоры в первую очередь заботились об увеличении личной клиентелы и возрождении слоя мелких и средних землевладельцев, которые составляли важный социальный оплот принципата. Но ветеранское землевладение в Италии не могло предотвратить концентрации земельной собственности в руках латифундистов и не имело перспектив, прежде всего в связи с процессом провинциализации легионов. Большие перспективы имело ветеранское землевладение в провинциях, где рядом с военными лагерями или на их месте создавались колонии ветеранов. Еще более широкое распространение в период Ранней империи получило наделение ветеранов землей в приграничных муниципиях. Подобное пенсионное вознаграждение, как полагает А.В. Колобов, давало ветеранам возможность стать типичными сельскими жителями, которые проживали на своем участке и вели небольшое хуторское хозяйство силами своего семейства и нескольких рабов. Такие ветераны были различными узлами связаны с гарнизонами на лимесе, продолжали воспринимать себя как часть армии и чаще всего не принимали активного участия в жизни близлежащих городов. С переходом в начале II в. к местному комплектованию легионов все больше ветеранов оседало в окрестностях лагеря, селах (*vici*) или канабах, где бывшие легионеры занимались преимущественно ремеслом и торговлей, а то и просто просиживали остаток дней в таверне за кружкой пива. Ветераны-канабарины вместе с остальными римскими гражданами составляли здесь особую форму римско-гражданского коллектива, характерную для приграничных провинций, – корпорацию *cives Romani consistenses ad legionem* и часто занимали руководящие должности в Совете поселка. Как показывают новейшие исследования, урбанизация в зоне лимеса шла не столько через наделение канаб правами муниципия, сколько через наделение статусом города *vici*, расположенных рядом с гарнизонами. Насыщение *vici* римскими гражданами, способными выполнять обязанности декурионов, в значительной мере осуществлялось за счет ветеранов. Касаясь дискуссионного вопроса о том, являлось ли ветеранское землевладение формой крестьянского хозяйства или вариантом рабовладельческой виллы, А.В. Колобов, в определенной степени противореча собственному мнению, высказанному выше, относит земельные владения легионных ветеранов к разновидности мелкоарабовладельческого и отчасти ориентированного на рынок хозяйства типа виллы. В позднеримские времена земля стала передаваться ветеранам уже не в собственность, а во владение, и размеры их участков сократились до величины крестьянских наделов. Однако в период потрясений III в. именно зона лимеса, где сформировалось своеобразное «милитаризованное общество», стала опорным краем державы. Патриотизм пограничного населения и войск, сохранявших верность *imperium Romanum*, в немалой степени помог римскому государству пережить кризис. Вместе с тем, как отмечает автор, ветераны III в. были людьми, далекими от подлинной культуры греко-римского мира, в своем быту и мировоззрении они ориентировались не только на римско-италийские образцы, но и на нравы и обычаи местной, лишь частично романизованной аристократии.

Глава V – «Будни солдатской жизни» – читается с интересом. Кратко остановившись на боевой подготовке легионеров¹⁹, автор подробно рассматривает их повседневные обязанности (*munera*), связанные прежде всего с многочисленными строительными работами. По словам А.В. Колобова, ни одна армия, за исключением советской, не строила столько, сколько римская. Большое внимание в данной главе уделено устройству легионных лагерей и пограничных оборонительных сооружений. Последние автор называет даже прототипом таких «монстров» фортификации XX в., как линии Мажино и Маннергейма. Такое утверждение вряд ли правомерно, если учесть, что по своему характеру и задачам римский укрепленный лимес коренным образом отличался от современных фортификационных сооружений. Стоило бы указать, что в функционировании лимеса важнейшую роль играли рокадные дороги, позволявшие быстро перебрасывать дополнительные силы на наиболее угрожаемые участки. Отмечается, что на плечах римских солдат лежало также сооружение и обустройство дорог, акведуков, гражданских объектов в провинциальных городах, а также работы по добыче полезных ископаемых. Кроме того, легионы должны были в немалой мере самостоятельно обеспечивать себя продовольствием и некоторыми ремесленными изделиями, хотя основная тяжесть снабжения войск ложилась на население приграничных территорий, обязанное поставлять продовольствие по фиксированным ценам или в виде повинности. Задача по обеспечению войск решалась в целом успешно.

¹⁹ На с. 45 А.В. Колобов как вполне достоверный факт принимает сообщение Светония (*Galba*. 6.3) о том, что Гальба, будучи легатом Верхней Германии, со щитом в руках пробежал во время учений за колесницей императора Калигулы 20 миль. Цифра здесь явно преувеличена.

Солдатский рацион, который автор описывает с увлечением, отнюдь не был вегетарианским. Солдатскую диету разнообразили мясо жертвенных животных, рыба и морепродукты, а также дичь, добываемая на охоте. Несомненно, римские легионеры знали толк в винах и прочих напитках, вроде фруктового коктейля *conditum tinctum*, рецепт которого приводится на с. 54. Достаточно качественное питание, интенсивная физическая активность и эффективная медицинская помощь обеспечивали солдатам лучшее здоровье по сравнению с гражданскими лицами. Досуг большинства легионеров был незатейлив: таверны и лупанары занимали в нем главное место. Но некоторые солдаты, несмотря на неустроенность и напряженность гарнизонного быта, умудрялись обзаводиться постоянными семьями вопреки официальному запрету на брак. Правда, по заключению автора, легионеры, обремененные семейными узами, заканчивали службу чаще всего рядовыми. Но до эпохи Северов семейные солдаты находились в явном меньшинстве.

Затрагивается в этой главе и система наказаний в римской армии. Обоснованно подчеркивая, что она основывалась на страхе потерять уважение сослуживцев и императора-патрона, автор не совсем аккуратен в некоторых деталях. В частности фраза о том, что «децимации мог быть подвергнут и отдельный солдат...» (с. 57), лишена смысла, если принять в расчет значение самого термина «децимация». Неточно утверждение, что относительно эпохи принципата источники лишь однажды сообщают о применении децимации²⁰. Проводить децимацию император или наместник провинции мог в силу своего империя, а не на правах *pater familias*, как указано на с. 57. На этой же странице говорится, что в III в. до н.э. был принят закон о смертной казни для уклонявшихся от военной службы. В данном случае автор механически повторяет ошибку, закраившуюся в книгу Е.М. Штаерман, на которую он ссылается²¹.

Солидное место в рецензируемой книге отводится религиозной жизни легионов и военным праздникам. Посвященная этой теме VI глава включает также довольно обширное отступление, в котором рассматриваются знаки воинского отличия – *dona militaria*. Включение данного вопроса в главу о религии представляется не совсем органичным, хотя связь *dona militaria* с воинскими церемониями и религиозными воззрениями не подлежит сомнению. На наш взгляд, боевые награды логичнее было бы рассматривать в контексте профессионально-корпоративных ценностей армии и выполнения ею собственно военных задач: все же в Риме знаки отличия за немногими исключениями²² вручались за подвиги, совершенные на полях сражений. Вместе с тем, бросается в глаза отсутствие всякого упоминания о триумфе, церемония которого была пронизана религиозным содержанием в гораздо большей степени, чем описанные автором парады, проводившиеся по разному рода торжественным случаям. В эссе о наградах стоит, однако, отметить интересный анализ фалер с изображением «Амура», которые каталогизированы в Приложении²³.

Основная часть главы ни по своему содержанию, ни по структуре изложения не вызывает возражений, в целом достаточно полно освещая религиозно-культурную практику императорской армии. Можно высказать лишь несколько замечаний уточняющего характера. Феномен «военной религии» (*religio castrensis* – Tertul. Apol. 16. 8) действительно возник вместе с образованием в Риме постоянной армии и представлял собой своеобразную комбинацию различных культов, ритуалов и идеологем, призванных обеспечить лояльность

²⁰ Кроме приводимой ссылки (*Tac. Ann.* III. 21), можно указать на свидетельства о применении децимации Гальбой в отношении так называемого Флотского легиона, созданного Нероном: *Tac. Hist.* I. 6. 2; 87. 2; *Suet. Galba.* 12.1; *Plut. Galba.* 15; *Dio Cass.* 64. 3. 4.

²¹ Е.М. Штаерман (Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 97), ссылаясь на Тита Ливия (X. 36.11), пишет, что в 293 г. до н.э., во время третьей Самнитской войны, консул Папирий Курсор установил закон, по которому голова юноши, не явившегося на призыв или дезертировавшего, посвящалась Юпитеру, очевидно, как богу римской боевой славы, прообразу триумфатора, оскорбленному солдатом, отказавшим императору в повиновении. Однако в соответствующем месте у Ливия (X. 38. 2–3, а не X. 36.11) речь идет не о римлянах, а о самнитах, которые привели своих воинов к присяге по некоему древнему обряду и неснянному закону. Конечно, не исключено, что такого рода закон (*lex sacrata*) существовал и у римлян, но прямых указаний на это в источниках нет. Зато достаточно богатый материал о дезертирстве и прочих воинских преступлениях содержится в 49-й книге Дигест, материал которых почти не привлекается А.В. Колобовым.

²² См. *Maxfield V.A. The Military Decorations of the Roman Army.* L., 1981. P. 114–115. О ценностном значении наград см. *Махлаюк.* Армия... С. 167 сл.

²³ См. также *Колобов А.В., Мельничук А.Ф., Кулябина Н.В.* Римская фалера из Пермского Приуралья // ВДИ. 1999. № 1. С. 46–52.

войска правителю и приобщить провинциализирующиеся легионы к системе римских духовных ценностей. Но при этом необходимо подчеркнуть и собственно военные функции *religio castrensis*: она во многом определяла воинский этос и поведение солдата в бою, служила сплочению частей и подразделений²⁴. Следует сказать и о том, что римский военный лагерь представлял собой особый религиозный микрокосм, имевший определенную сакральную структуру и божественных покровителей²⁵. К характеристике автором культа знамен стоит добавить, что этот культ, как и некоторые другие, имел, судя по всему, определенно выраженную региональную специфику²⁶. Что касается присяги, то вряд ли можно категорически утверждать, что в императорской армии все воины хором произносили ее слова, в отличие от республиканского времени, когда текст зачитывал один человек, а остальные хором повторяли «*idem in me*». Вполне вероятно, что сама процедура принесения присяги в эпоху Империи не изменилась²⁷. Во всяком случае, источники не позволяют судить о деталях этой церемонии.

Заключительная глава «Снаряжение римского легионера» интересна прежде всего как компендиум всего богатого фактического материала, который дает в распоряжение исследователя военная археология, давно ставшая специализированной областью. Учитывая результаты новейших исследований в этой области²⁸, А.В. Колобов подробно описывает индивидуальное наступательное и оборонительное вооружение легионеров, прослеживает основные линии его развития, связанные как с изменениями в составе противников и в тактике, так и с возникновением той или иной моды. Вполне обоснован и общий вывод автора, что, несмотря на отличие боевого снаряжения легионеров от вооружения других родов войск, оно было достаточно вариабельным и в незначительной степени определялось регионом, в котором располагалась воинская часть, а также характером боевого снаряжения противника (с. 82).

Основной текст книги удачно дополняется приложениями. Первое из них представляет собой таблицу, включающую сведения о легионах эпохи принципата: название и почетные наименования, период существования, места дислокации и эмблемы. Приложение 2, как говорилось выше, содержит каталог римских фалер с изображениями «Амура». Наиболее ценным является Приложение 3 – «Латинско-русский военный словарь (эпоха принципата)», включающий около 430 слов и выражений. Это первый в отечественной литературе подобный глоссарий. По замыслу автора, он включает слова, относящиеся «исключительно к легионам» (с. 103). Такое ограничение по роду войск и хронологическому периоду представляется не совсем правильным, да и труднодостижимым. По существу и сам автор вынужден выходить за принятые рамки. К сожалению, и при таком ограничении словарь далек от должной полноты и точности. Все необходимые корректировки и дополнения заняли бы слишком много места. Ограничимся поэтому только самыми существенными. В толковании выражения *ad signa* (точнее *apud signa*) надо указать, что в кассе легиона аккумулировались не только деньги из солдатского жалования, но и половина донативов. Лагерное святилище, где хранились знамена части, называлось также *aedes signorum*, а не только *aedes principiorum*. *Capricornus* (козерог) – самая распространенная из легионных эмблем, а не «эмблема одного из легионов». Слово *clavarium* («гвоздевые» деньги), очевидно, употреблялось как эвфемизм к *donativum* (*donativi nomen est* – Tac. Ann. III. 50.3), а не просто обозначало сумму, выдаваемую солдатам для совершения перехода. Термин *classicum* («подразделение трубачей») имеет более распространенные значения – «сигнал трубой», «военная сигнальная труба». «Соратник» по-латыни *commilito*, а не *commilitio*. В слове *сориа*, очевидно, опечатка: в значении «войска» оно имеет форму мн.ч. *сориае*. *Cornicularius* («старший солдат») означает также: «солдат, награжденный почетным рожком», «военнослужащий, возглавляющий канцелярию». *Decursio* («атака, маневр») имеет еще значение «парад», а *dilectus* («набор в армию») – «отборный отряд». *Honos* – не только «почет, воинское божество», но и воинская почесть в виде повышения в чине или награды за доблесть, а также государственная должность. Слово *militia* не ограничивается значением «служба», но означает также «военный поход», «военная должность», «войско». Непонятно, почему *orichalcum* (собственно «медь») трактуется автором как «металл, из которого

²⁴ Helgeland. Op. cit. P. 1500.

²⁵ Ibid. P. 1491 ff.; Rüpke. Op. cit.

²⁶ Подробно об этом культе см. Махлаук. Армия... С. 190 сл.

²⁷ Watson. Op. cit. P. 44.

²⁸ К работам, на которые ссылается автор, можно добавить: Armi e armature dell'Impero romano / A cura di L. Antonelli. Roma, 1990.

наиболее часто изготавливали оружие во времена принципата». Помимо значения «знак подразделения», «штандрт», термин *signum* обозначает также сигнал, подаваемый голосом, трубой или знаменем. Термином *vexillarii*, кроме знаменосцев, назывались также ветераны, выделенные в особый отряд.

Что касается пробелов в словаре, то сразу бросается в глаза отсутствие наименований некоторых легионов (*Apollinaris*, *Macedonica*, *Minervia*, *Parthica*, *Traiana*, *Primigenia* и других). Немало пробелов в лексике как общего, так и специально технического, юридического и жаргонного характера²⁹. Приведем самый минимальный алфавитный список этих слов и выражений, оставив их – в целях экономии места – без перевода:

Assecula, *baro*, *bra(c)chium*, *bucellarius*, *bucinator*, *cacula*, *campidoctor*, *campigenus*, *campus*, *cantabrum*, *carmina triumphalia*, *cibus militaris*, *cippus*, *collega*, *collegia*, *commilitium*, *concaedes*, *contio*, *contiro*, *contumacia*, *conturmalis*, *conveteranus*, *corniculum*, *cornu*, *delictum militis*, *dux*, *emansor*, *exercitator*, *focaria*, *glans*, *gradus deiectionis*, *hortatio*, *ius iurandum*, *ius militandi in legione*, *ius militare*, *laudatio*, *litterae commendaticiae*, *manipularius*, *manipulum*, *manus*, *murus*, *numerus*, *ordo*, *paganus*, *praepositus*, *praeses*, *primipilaris*, *remansor*, *scutatus*, *seditio*, *suffragium*, *suggestus*, *taberna*, *tentorium*, *tirocinium*, *tubicen*, *tutela signorum*, *vagina*, *vir militaris*, *zonula*.

Несмотря на отмеченные недостатки, словарь, несомненно, будет полезен при чтении латинских источников по военной истории. Прделанную автором работу можно расценивать как первый, пробный шаг в сложном деле создания настоящего тематического словаря, потребность в котором давно назрела. Если же подвести общий итог всего вышесказанного, то и книгу в целом следует рассматривать как предварительный подступ к серьезной разработке большой и важной темы. Совокупность сделанных замечаний показывает, что не все удалось автору и текст книги местами несет отпечаток некоторой поспешности. Но это не умаляет бесспорных достоинств работы: широты рассмотренной проблематики, доходчивости изложения, а главное, насыщенности интересным фактическим материалом, малоизвестным не только массовому читателю, но и специалистам-антиковедам.

А.В. Махлаюк

© 2001 г.

G. BARONE-ADESI. Ricerche sui corpora normativi dell'impero romano. V. 1. I corpora degli iura tardoimperiali. Torino, 1998. 117 с.

Рецензируемую монографию итальянского романиста Джорджо Бароне-Адези, посвященную иерархии источников права в постклассическую эпоху, можно назвать не только своеобразным манифестом, содержащим программные положения дальнейшей работы автора в области постклассического римского права, но и документом, заключающим в себе выработанную исследователем в результате долгих раздумий концепцию судьбы римского права в постклассический период его развития. Идею продолжения истории римского права в Византийской империи и, далее, в памятниках церковного права, можно назвать центральной в концепции всей работы. Бароне-Адези является сторонником теории континуитета и поддерживает теорию «Москва – третий Рим» (а Константинополь соответственно – Рим второй), но в сфере права. Во введении к работе он провозглашает идею «римского права в византийскую эпоху», отмечая, что «в теории и практике право, принятое в Константинополе, продолжает оставаться римским». Поэтому автор ставит вопрос о целесообразности изучения как в России, так и в других странах, развивавшихся под влиянием византийской *παίδεια*, курсов римского права как истории *Ῥωμαϊκὸν δίκαιον* с VIII в. до Р.Х. до XV в. от Р.Х. (с. XI). Но поскольку рецензируемая монография представляет собой только первую часть задуманного автором масштабного труда, идея «правового континуитета» остается на уровне декларации, что не исключает, разумеется, возможности ее воплощения в последующих работах Бароне-Адези.

²⁹ См. *Mosci Sassi M.G. Il «sermo castrensis»*. Bologna, 1983.